

№ 162 8

372

300

ГРАФЪ

Л. Н. ТОЛСТОЙ

РУССКАЯ

РЕВОЛЮЦИЯ.

МОСКВА.

1906.

95 $\frac{1}{381}$

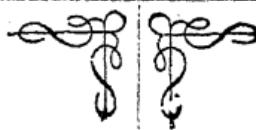
ГРАФЪ

Л. Н. Толстой

—) И (—

РУССКАЯ |

|| РЕВОЛЮЦІЯ.

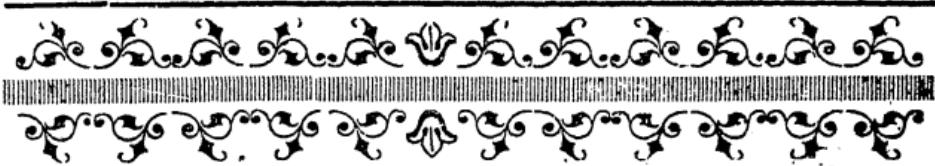
МОСКВА.

Типографія Ф. И. Филатова.

1906 г.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ 1 ноября 1905 года.

Корреспондентъ „Berl. Tagb.“ Эдуардъ Геберъ посѣтилъ знаменитаго русскаго писателя въ „Ясной Полянѣ“ и имѣлъ съ нимъ разговоръ о настоящемъ состояніи Россіи.

Корреспондентъ разсказывалъ графу что происходит въ Москвѣ и Петербургѣ.

— Я не считаю положенія опаснымъ, — замѣтилъ графъ. Прежде переоцѣнивая силу правительства, теперь цѣнять ее слишкомъ низко. Вообще, въ Россіи никогда не будетъ такой революціи, какъ во Франціи, ибо это не соответствуетъ характеру русскаго народа.

Пораженный такимъ оптимизмомъ, корреспондентъ указалъ на серьезныя крестьянскія волненія во многихъ мѣстностяхъ, о которыхъ, каждый день сообщаютъ газеты.

— Вы сами пишете для газеты, но я все-таки скажу, что газеты жестоко врутъ. Я уже нѣсколько лѣтъ, какъ не читаю газетъ, но мнѣ рассказываютъ все, что тамъ написано и я думаю, что дѣло обстоитъ не такъ ужъ плохо, какъ пишутъ. Крестьяне споконъ вѣку рубили дрова въ господскомъ лѣсу. Теперь они, можетъ статься, немного осмѣлѣли, но стоитъ появиться хоть двумъ казакамъ, какъ они удираютъ. Безпорядки на руку развѣ только небольшой революціонной кучкѣ агитаторовъ. И на московскомъ крестьянскомъ съездѣ рѣчи держали только адвокаты и академики.

Л. Н. Толстой категорически опровергаетъ слухъ, будто броженіе среди крестьянъ идетъ и въ Тульской губерніи, и крестьяне даже собирались разграбить имѣніе самого графа. И корреспондентъ подтверждаетъ, что въ самой Тулѣ и въ губерніи, по крайней мѣрѣ на видъ, все спокойно.

Графъ освѣдомился о томъ, какой процентъ составляетъ крестьянское населеніе въ Пруссіи, и узнавъ, продолжалъ: „Ну, а въ Россіи сельское населеніе составляетъ 80—90 проц., граzdо большѣ половины. Фабричные рабочіе есть только въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, ихъ нечего и считать; главная сила въ крестьянахъ. А крестьянинъ доволенъ, если его сынъ заработаетъ 5 цѣлковыхъ въ недѣлю; не то что рабочій, который требуетъ и 20, и 30. Неправда и то, будто мужики сами хотятъ дѣлить землю; они

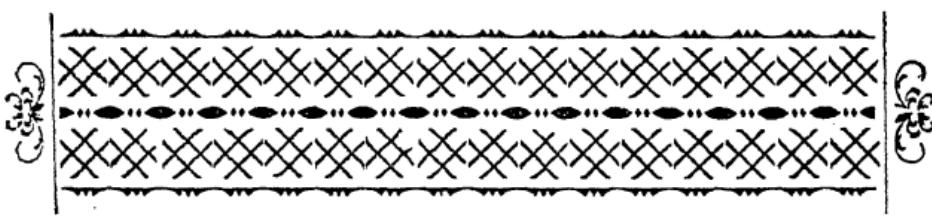
V

знаютъ, что это имъ не подъ силу, и предоставятъ это правительству. Въ Россіи совсѣмъ другія условія, чѣмъ въ Германіи. У насъ не было ни протестанства, ни религіозныхъ войнъ, и революція у насъ будетъ совсѣмъ другая. Я не пророкъ, но, какъ вы 20 лѣтъ тому назадъ не знали, что будете дѣлать теперь, такъ и теперь нельзя знать, что будетъ въ Россіи черезъ 20 лѣтъ“.

Попытка узнать мнѣніе графа о реформаторскихъ затѣяхъ русскаго правительства не увенчаласъ успѣхомъ. Графъ сказалъ: „Вы-же знаете, что я съ правительствомъ пе въ ладахъ. Скажу только, вто до сихъ поръ наше правительство опиралось на силу; теперь оно должно будетъ опираться на любовь и благожелательство, въ духѣ Евангельскаго ученія. Это самое важное“.

Во вліяніе германскаго императора на русскую политику въ Польшѣ Толстой не вѣритъ. На вопросъ о здоровье онъ отвѣтилъ: „Приближаюсь къ предѣлу. И это хорошо“.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

и

„Освободительное движение“.

Переходя къ вопросу о личности дѣятелей „освобожденія“, Л. Н. Толстой видѣтъ въ немъ лишь „разнуданность поднимавшихъ голову самыхъ жестокихъ, безнравственныхъ частей общества и всеобщее озлобленіе увлеченныхъ борьбою людей“.

Находясь съ нашею либеральствующею интеллигенціей въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи, и потому зная ее гораздо лучше, чѣмъ мы,—Толстой ни на минуту не сомнѣвается въ дѣйствительныхъ цѣляхъ ея затѣи и въ неискренности и своекорыстности либерального печалованія о нуждахъ народа.

Посвященные этому первыя страницы его Письма къ крестьянину (датирован-

наго 5 апрѣля сего года) *) дышутъ искреннимъ негодованіемъ и отвращеніемъ автора отъ стремленій нашихъ освободителей.

Говоря о своевременномъ положеніи Русскаго Государства, графъ Толстой сравниваетъ его съ телѣгой, опрокинутую вверхъ колесами, которую, тѣмъ не менѣе, везти должны „милліоны сѣрыхъ зипуновъ“.

И вотъ „нѣкоторые“ (чи: земцы-конституціоналисты и т. д.) завутъ народъ помочь имъ перевернуть „телѣгу“ внизъ колесами. (По нашему мнѣнію, наоборотъ,—ошалѣвшая интеллигенція стремится опрокинуть вверхъ колесами пока еще только выбитую изъ колеи, усилиями этихъ „нѣкоторыхъ“, государственную тѣлегу).

Но долженъ ли народъ дѣйствительно прийти на этотъ зовъ политическихъ агитаторовъ?

По мнѣнію Толстого (какъ и по нашему),—безусловно нѣтъ!

„Если поставить телѣгу внизу колесами, то первымъ дѣломъ эти самые перворачиватели насядутъ въ нее, и вамъ же (крестьянамъ) велять везти себя.

*) По словамъ автора, письмо это представляетъ новую вариацію на ту же тему, что и его прежнія произведения; Единственное средство. Неужели такъ надо? Гдѣ выходъ? Къ рабочему народу. Одумайтесь и т. п. Оно является, будто бы, отвѣтомъ на запросы одного изъ корреспондентовъ Толстого, но предназначается не для него одного, а для всѣхъ, и въ заключеніе графъ обѣщается „послать эту статью для напечатанія въ газетахъ“. Однако же, если не ошибаюсь, ни въ русской, ни въ иностранной печати ее доселѣ не появлялось, и я цитирую ее по гектографированному изданію.

VIII

Сами они не запрягутся, а только затѣмъ и переварачиваютъ телѣгу, чтобы влѣзть въ нее“ *).

Дѣлая такой безпощадный приговоръ конституціонно - либеральнымъ затѣямъ, Толстой не менѣе рѣзко осуждаетъ и стремленія соціалистовъ и демократовъ.

Еще года два тому назадъ онъ писалъ брошюру за брошюрою объ общественномъ и государственномъ значеніи соціализма, полемизируя со своими противниками изъ русскихъ эмигрантовъ въ Швейцаріи. Онъ громилъ, не переставая, рѣзко, съ раздраженіемъ, и понѣсколько разъ возвращался къ „глупости Маркса“ и къ „нелѣпостямъ соціализма“.

„Соціализмъ, это — глупость“, — заявляетъ онъ одному интервьюеру въ іюнѣ 1903 года.— „Это онъ пріѣхалъ къ намъ изъ заграницы и мы поклоняемся этому новому идолу... Но онъ не для насъ... Коммуна, баррикады — просто глупость“!

Ни „у вашего Маркса, ни у вашего Жорэса“ нѣть мѣста человѣку. Получается огромная пустота, которую напрасно стараются заткнуть хламомъ діалектики и смѣшныхъ математическихъ истинъ“ **).

И Толстой давно уже посмѣивается надъ „свободой“ во всеобщей соціалистической республикѣ, считая ее безусловнымъ абсурдомъ. Въ самой постановкѣ этого вопроса, по его мнѣнію сгруппировалось „все худшее (!) изъ старого (?)“.

*.) Курсивъ нашъ.

**) „Толстой и рабочій вопросъ“. Русь № 163. 1904 г.

Но, главное,—

„Они хотятъ бороться изъ-за того, что не заслуживаетъ никакой борьбы. Они жадны, и ихъ аппетиты огромны“ *).

Помимо всего этого,—

„Тѣ формы, которыя введены въ передовыхъ государствахъ Европы, уже явно показали свое несостоятельность“. И подражаніе имъ „намъ, Русскимъ, было-бы непростительно грѣшно,—съ нашимъ особеннымъ отъ большинства европейскихъ народовъ материальнымъ и духовнымъ складомъ жизни“ **).

При тѣхъ же взглядахъ Толстой остается и въ своихъ послѣднихъ статьяхъ: „Великій грѣхъ“ (*Times* и *Русская Мысль*, юль 1905 г.) и „Единое на потребу“ (*Times*).

Таковъ приговоръ надъ нашимъ „освободительнымъ движеніемъ“, надъ его образцами, цѣлями, средствами и дѣятельностями, произнесенный тѣмъ, кто столь долго и еще такъ недавно былъ для нашихъ „освободителей“ вождемъ и безусловнымъ авторитетомъ—„Вся суть скверна неблагочестна и не приемлема“!

Не легко, слишкомъ не легко произнести такой судъ надъ всходами той нивы, которую самъ усердно засѣвалъ.

*) Тамъ же,

**) Письмо къ В. А. Гольцеву.

И великий грѣхъ и несчастье самого Л. Н. Толстого заключается въ томъ, что талантливый писатель - художникъ оказался маленьkimъ-маленьkimъ „философомъ“.

Иначе онъ не могъ бы не предвидѣть, что, разрушая вѣру въ Бога, въ правду жизни, онъ (какъ и всякий другой) будетъ не въ силахъ, дать взамѣнъ что либо лучшее, совершенѣйшее, ибо такого и быть не можетъ.

Онъ понялъ бы, что его туманная теодиція, проповѣдь христіанской морали въ Христа и Церкви, проповѣдь богоновиненія при отриданіи Самого Бога,— слишкомъ блѣдны и прѣсны, чтобы заполнить разумную жизнь, зажечь искру въ душѣ, томящейся безъ Духа Жива.

Онъ сознавалъ бы также, что его отрицающая законъ и государство утопія человѣчества „всебратства“ можетъ быть осуществлена только благодаря терпимости какого-либо существующаго общества, при покровительствѣ государства и подъ защитой закона.

Но осуществленное при этихъ условіяхъ ученіе Толстого отрицало бы сама себя. А вѣдь ихъ оно немыслимо, какъ это блестящее доказано практическимъ приложеніемъ идей толстовщины канадскими „всебратьями“ духоборами.

Кромѣ того,—нельзя же забывать, что проповѣдь пассивного анархизма можетъ

послужить призывомъ къ „самоусовершенствованію“ (и то лишь въ условномъ, ограниченномъ смыслѣ) только для стариковъ-теоретиковъ, подобныхъ ея творцу,—а люди жизни и дѣла, сыны крови и плоти, всегда будутъ выводить изъ нея оправданіе кроваваго анархизма, того террора и революціи которыми теперь такъ возмущается Л. Н. Толстой.

И онъ былъ бы достойно наказанъ, еслибы ясно и искренно созналъ причинную связь между своимъ проповѣдничествомъ и ужасами происходящаго. Но—маленький близорукій философъ—онъ и теперь не хочетъ раскаяться, сознаться, въ своеемъ заблужденіи и ошибкахъ.

Вместо этого, онъ ограничивается заявлениемъ, что „лучше отдатьтъ отъ людей, но не принять ничего лишняго, чѣмъ остаться съ людьми и принять лишнее“.

Но его голосъ уже не имѣеть своего прежняго значенія. Какъ человѣкъ, до конца выполнившій свою роль въ дѣлѣ разрушенія, какъ „выжатый лимонъ“, онъ не нуженъ болѣе „освободителямъ“.

Одни, рады его прежнихъ заслугъ, обращаясь съ нимъ болѣе вѣжливо, только заявляютъ что—„Человѣчество, и особенно русская часть его, много выиграло бы въ томъ случаѣ, еслибы графъ Толстой воздержался отъ поясненія своихъ принциповъ частными примѣрами. Пока онъ ограничивается общими положеніями“

XII

и не идетъ далѣе первой посылки, онъ всегда бываетъ интересенъ, а иногда и дѣйствительно, поучителенъ.

„Но когда онъ спускается съ горъ въ долины и предлагаетъ свои особыя средства для борьбы со зломъ возбуждающимъ его гнѣвъ, тогда онъ становится простымъ человѣкомъ толпы,—убѣжденнымъ въ безусловной пригодности предложенного имъ средства, слѣпымъ и невнимательнымъ ко всѣмъ возраженіямъ, дѣлаемымъ противъ него“.

По въ такомъ случаѣ, какой же и проѣтъ во всемъ его ученія, коли оно хорошо лишь „на горахъ“.

95381

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ МОСКВА,

Лубянская площадь, уголъ Мясницкой ул.,
домъ Духовной Консисторіи.

